

Проект «Медуза»

Античный ужас в архитектурном Музее имени Щусева

Вадим Алексеев

«Руина», полуразрушенный флигель казаковской усадьбы, где находится архитектурный музей на Воздвиженке, как нельзя лучше подходит для инсталляции кораблекрушения, разыгравшегося 2 августа 1816 года на отмели Арген в сорока лье от африканских берегов. Поводом для новой интерпретации мифологизированного события послужил «Плот «Медузы», грандиозное полотно Теодора Жерико, занимающее в Лувре то же место, что и «Последний день Помпеи» в Русском музее. Идея развернутого прочтения принадлежит французскому художнику Лионелю Гибу (10 полотен, 44 рисунка, 40 литографий) и подробно прокомментирована одним из самых читаемых современных писателей Франции, Мишелем Турнье.

Проект под названием «Плот в никуда» придуман специально для России. Оба автора приехали в Москву – разговор с Лионелем Гибу состоялся в поместье Эдуарда Штейнберга, классика художественного авангарда, живущего ныне между Парижем и Тарусой.

– Обычно писатель обращается к художнику как к иллюстратору, – говорит Гибу. – Здесь получилось иначе – существовал текст Жана-Батиста Савиньи, бывшего офицером на «Медузе», одного из пятнадцати выживших на плоту. У нас с издателем появилась идея, с которой мы пришли к Мишелю Турнье. Пришли с пустыми руками, но Мишель Турнье встретил нас

работах Жерико, но и Тернера, и Малевича.

– Сегодня мы не способны адекватно воспринимать происходящие вокруг ужасные события – глаз замылен телекартинкой...

– Тема, которая меня по-настоящему волнует, – не конкретный плот «Медузы» и то, что на нем произошло. Это – плот вообще. Когда я погружаюсь в давнюю историю, я имею возможность того размышления, медитации, которой сегодняшние события нас полностью лишают. Мы оказываемся в их власти и одновременно не можем испытать тех чувств, которые испытываем, когда смотрим на что-то, что свершилось когда-то. Обращение к тому, что творилось два века тому назад, – то, что позволяет мне лучше приблизиться к сегодняшнему. Для того чтобы выразить страдания, муки, я сегодня обращаюсь к форме абстракции. Чтобы передать страдание, художнику сегодня важно сделать это с помощью каких-то очень простых вещей, красного, черного и белого. Можно сделать это чисто декоративно, а можно передать самое глубокое переживание.

Наверяд ли здесь можно говорить о постмодернистском соединении слова с визуальностью (напомним, что выставка в МУ-АРе проходит параллельно московским чествованиям Кабакова и Булатова). Для члена Французской академии Мишеля Турнье очень важна мистическая сторона дела:

– Я был очень встревожен тем, что Лионель Гибу оказался

Каннибал ест мясо мертвое, причащающийся же христианин приобщается к живой истине

очень приветливо и сказал: вы знаете, я как Бах – очень люблю, когда мне кто-то заказывает. Хотите кантату – будет кантата, хотите реквием – нет проблем. И я ему сказал: «Мишель Турнье, а мне бы хотелось, чтобы была настоящая схватка, рукопашная, между изображением и текстом».

– Романтическая болезненность картины Жерико кроется в неразрывном и наглядном смешении мертвых и живых, надежды и отчаяния. Возвращаясь к традиции исторических полотен, вы доказываете, что живопись, как и мифология, не умерла?

– Цель заключалась не в том, чтобы проанализировать то, что сделал Жерико, освободить его от того, что есть в нем или как-то опрокинуть идею романтизма. Я, главным образом, оттачивался не от картины Жерико, а от эскизов, которые ей предшествовали: момент бунта, момент самого кораблекрушения, последовавшего за этим людоедства. Все, что потом рассказал я, было в эскизах. В джазе все время идет цитирование той или иной музыки – так и я цитирую в своих

пленником жуткой истории, которая полна тайн. Первая тайна – как можно было назвать фрегат таким словом, «Медуза»? Медуза ведь не плавает, а держится на поверхности воды подобно плоту. И в августе 1816 года случилось то, что должно было случиться. В этот момент 117 человек сооружают плот и стараются достигнуть ближайшего берега. У них огромные запасы вина. Они мгновенно пьянеют и начинают драться на саблях. И начинается взаимное поедание трупов или живых людей, пока на помощь не приходит бриг с мистическим названием «Аргус». Несколько лет назад в вершинах Анд разбился самолет, и у выживших там не оказалось иного пропитания, кроме трупов погибших пассажиров. Огласка этой истории в прессе была немалой. Я обратился к ортодоксальному теологу Оливье Клеману. В чем же различие между Евхаристией и людоедством? Мне навсегда запомнился его ответ. "В том, – мне сказал он, – что каннибал ест мясо мертвое, причащающийся же христианин приобщается к истине живой». n

независимая. - 2003 - 16 окт. - 66